

Ренан Эрнест

Жизнь Иисуса

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э81

Э81 **Эрнест Р.**
Жизнь Иисуса / Ренан Эрнест – М.: Книга по Требованию, 2022. – 336 с.

ISBN 978-5-519-80585-8

ISBN 978-5-519-80585-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе

къ тринадцатому изданію.

Двѣнадцать первыхъ изданій настоящаго труда отличаются другъ отъ друга незначительными только измѣненіями. Настоящее же изданіе просмотрѣно и исправлено самымъ тщательнымъ образомъ. Въ теченіе четырехъ лѣтъ со времени появленія этой книги я безпрестанно былъ занятъ ея обработкой. Многочисленные критическіе отзывы, вызванные ею, до известной степени облегчили мою задачу. Я прочелъ все болѣе или менѣе серьезное. Мнѣ кажется, я совершенно искренно могу сказать, что никогда содержащаяся въ нихъ обида и клевета не мѣшали мнѣ извлечь изъ этихъ отзывовъ все полезное, что въ нихъ заключалось. Я все взвѣсилъ, все провѣрилъ. Если иногда покажется страннымъ, что я не считался съ дѣлаемыми мнѣ съ крайней увѣренностью упреками по поводу якобы несомнѣнныхъ ошибокъ, то это объясняется не тѣмъ, что я игнорировалъ эти упреки, а только тѣмъ, что мнѣ было невозможно согласиться съ ними. Чаще всего въ этихъ случаяхъ я прибавлялъ въ примѣчаніяхъ тексты или свои соображенія, не позволявшія мнѣ измѣнить свое мнѣніе, или же какой нибудь редакціонной поправкой я старался указать, въ чемъ заключается ошибка моихъ оппонентовъ. Мои примѣчанія, хотя они и очень кратки и содержатъ въ себѣ почти одни указанія на первоисточники, все же всегда достаточны для того, чтобы выяснитъ образованному читателю основанія, руководившія мною при составленіи текста.

Чтобы реабилитировать себя вполне отъ всѣхъ обвиненій, которымъ я подвергался, мнѣ пришлось бы утронуть или учетверить свою книгу; мнѣ пришлось бы повторять вещи, о которыхъ много уже говорилось, даже на французскомъ языкѣ; мнѣ пришлось бы вступить въ религиозную полемику, чего я рѣшительно избѣгаю; мнѣ пришлось бы говорить о себѣ, чего я никогда не дѣлаю. Я пишу для того, чтобы подѣлиться своими мыслями съ тѣми, кто ищетъ истины. Что касается тѣхъ, которымъ

нужно, въ интересахъ своей вѣры, выставить меня невѣждой, человѣкомъ заблуждающимся или невѣрующимъ, то я нисколько не претендую на измѣненіе ихъ мнѣній обо мнѣ. Если это мнѣніе необходимо для успокоенія нѣкоторыхъ благочестивыхъ лицъ, то я вовсе не намѣренъ ихъ вразумлять.

Впрочемъ, этотъ споръ, если бы я его принялъ, чаще всего сводился бы къ обсужденію вопросовъ, ничего общаго съ исторической критикой не имѣющихъ. Всѣ возраженія исходили изъ двухъ противоположныхъ лагерей. Одни дѣлались мнѣ свободными мыслителями, не вѣрящими ни въ сверхъестественное ¹⁾, ни, слѣдовательно, въ священные книги, или теологами либеральной протестантской школы, приближающимися къ столь широкому пониманію догмы, что рационалисты легко могли бы съ ними столкнуться. Я и эти противники стоимъ на одной и той же почвѣ, исходимъ изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ, можемъ вести правильные споры по всѣмъ вопросамъ исторіи, филологіи, археологіи. Что касается возраженій противъ моей книги (а такихъ было несравненно больше), исходившихъ отъ ортодоксальныхъ теологовъ, какъ католиковъ такъ и протестантовъ, вѣрящихъ въ сверхъестественное и признающихъ священный характеръ за книгами Древняго и Новаго Завѣта, то всѣ они заключаютъ въ себѣ коренную ошибку. Если чудо представляетъ собою нѣчто реальное, то моя книга—сплошная ошибка. Если евангелія являются книгами, вдохновленными свыше и, слѣдовательно, вѣрными во всемъ отъ начала и до конца, я былъ глубоко неправъ, не ограничившись сопоставленіемъ отдѣльныхъ мѣстъ изъ четырехъ текстовъ, какъ поступаютъ согласователи, которые, надо сознаться, создаютъ что-то въ высшей степени многословное, въ высшей степени противорѣчивое. Если, напротивъ того, чудо есть нѣчто невозможное, то я имѣлъ основаніе смотрѣть на книги, содержащія въ себѣ рассказы о чудесахъ, какъ на смѣсь дѣйствительности съ вымысломъ, какъ на легенды, полныя неточностей, ошибокъ и систематически пристрастныя. Если евангелія такія же книги, какъ и всякія другія, я имѣлъ основаніе относиться къ нимъ такимъ же образомъ, какъ изучающіе памятники греческіе, арабскіе и индійскіе относятся къ легендарнымъ документамъ. Для критики нѣтъ непогрѣшимыхъ текстовъ: ея главный принципъ—возможность ошибокъ въ изучаемомъ ею текстѣ. Меня не только нельзя упрекать въ чрезмѣрномъ скептицизмѣ, но, напротивъ, я долженъ быть причисленъ къ осторожнымъ критикамъ, такъ какъ вмѣсто того, чтобы цѣликомъ отвергать документы, обезцѣненные такими примѣсями, я пытаюсь осторожными пріемами извлечь изъ нихъ что-нибудь достоверное.

И пусть не говорятъ, что такая постановка вопроса заключается въ себѣ логическое *petitio principii*, что мы прини-

маемъ а priori то, что должно быть въ точности доказано,— а именно увѣренность въ томъ, что чудеса, о которыхъ разсказывается въ евангеліяхъ, не имѣли мѣста, что евангелія вовсе не являются книгами, написанными при участіи Божества. Отрицаніе того и другого не является у насъ результатомъ толкованія; оно предшествуетъ толкованію. Оно является результатомъ опыта, который никогда не былъ опровергнутъ. Въ действительности чудесъ никогда не бываетъ; только легковѣрные люди думаютъ, что они ихъ видятъ; нельзя указать ни одного чуда, которое имѣло бы мѣсто передъ свидѣтелями, никакое внимательство Божества ни въ составленіе книги, ни въ какое-либо событіе не было доказано. По одному этому, кто допускаетъ сверхъестественное, тотъ выходитъ изъ области науки, принимаетъ объясненіе, въ которомъ нѣтъ ничего научнаго, объясненіе, отъ котораго отворачиваются астрономъ, физикъ, химикъ, геологъ, физиологъ, отъ котораго долженъ отвернуться и историкъ. Мы отвергаемъ сверхъестественное по тому же основанію, которое заставляетъ насъ отвергать и существованіе центавровъ и гиппогрифовъ: это основаніе заключается въ томъ, что ихъ никогда не видѣли. Я отвергаю чудеса, о которыхъ разсказываютъ евангелисты, не потому, что мнѣ предварительно было доказано, что они не заслуживаютъ никакого довѣрія. Ихъ разсказы о чудесахъ заставляютъ меня сказать: „Евангелія это—легенды; они могутъ заключать въ себѣ историческіе факты, но, конечно, не все въ нихъ достоверно“.

Поэтому совершенно невозможно, чтобы ортодоксальный ученый и рационалистъ, отрицающій сверхъестественное, могли оказывать другъ другу значительную помощь въ подобнаго рода вопросахъ. Въ глазахъ теологовъ Евангелія и вообще библейскія книги являются произведеніями, которымъ нѣтъ равныхъ, книгами болѣе достоверными, чѣмъ самая лучшая исторія, такъ какъ въ нихъ нѣтъ никакихъ ошибокъ. Напротивъ того, для рационалиста евангелія это—тексты, къ которымъ нужно примѣнять правила обычной критики; мы должны къ нимъ относиться, какъ ученые, изучающіе арабскую литературу, относятся къ корану и хадиту, или изучающіе индійскую—къ ведамъ и буддійскимъ книгамъ: но развѣ они считаютъ коранъ непогрѣшимымъ? Развѣ ихъ обвиняютъ въ фальсификаціи исторіи, когда они разсказываютъ о происхожденіи ислама иначе, чѣмъ мусульманскіе теологи? Развѣ индійскіе ученые признаютъ Ляли-тавистару ²⁾ подлинной біографіей?

Какимъ же образомъ можно придти къ взаимному повиновенію, исходя изъ противоположныхъ принциповъ? Всѣ правила критики предполагаютъ, что всякій документъ, подвергнутый изслѣдованію, имѣетъ лишь относительную цѣнность, что въ

этомъ документѣ могутъ быть погрѣшности, что онъ можетъ быть исправленъ на основаніи другого, лучшаго. Зная, что всѣ книги, которыя намъ оставило въ наслѣдіе прошлое, написаны людьми, свѣтскій ученый, не колеблясь, считаетъ тексты неправильными, когда они противорѣчатъ другъ другу, заключаютъ въ себѣ нѣчто явно нелѣпое или рѣшительно опровергнутое болѣе авторитетными доказательствами. Наоборотъ, ортодоксъ, увѣренный заранѣе, что въ его священныхъ книгахъ нѣтъ ни ошибокъ, ни противорѣчій, прибѣгаетъ къ самымъ сильнымъ средствамъ и отчаяннымъ способамъ, чтобы выйти изъ затрудненія. Ортодоксальное изслѣдованіе представляетъ собою своего рода дѣлое сплетеніе хитроумныхъ уловокъ; каждая изъ нихъ въ отдѣльности можетъ быть справедлива, но тысячи ихъ, вмѣстѣ взятая, не могутъ быть таковыми. Если бы у Тацита или у Полибія нашлись такія характерныя ошибки, какія Лука допускаетъ относительно Квиринія и Февда, сказали бы, что Тацитъ и Полибій заблуждаются. Разсужденія, которыя были бы недопустимы при изслѣдованіи греческой или римской литературы, гипотезы, о которыхъ никогда не подумали бы ни Буассонада, ни даже Ролленъ, признаются правдоподобными, когда нужно реабилитировать священнаго автора.

Такимъ образомъ самъ ортодоксъ допускаетъ логическое *petitio principii*, упрекая рационалиста въ извращеніи исторіи за то, что тотъ не слѣдуетъ рабски документамъ, которые ортодоксъ считаетъ священными. Изъ того, что какая-нибудь вещь написана, вовсе не слѣдуетъ, что она истинна. Чудеса Магомета описаны такъ же хорошо, какъ и чудеса Іисуса, и нѣкоторыя арабскія біографіи Магомета, напримѣръ біографія Ибнъ-Гишамъ, безусловно носятъ характеръ болѣе историческій, чѣмъ Евангелія. Но развѣ въ силу этого мы признаемъ чудеса Магомета? Мы относимся къ Ибнъ-Гишаму съ большимъ или меньшимъ довѣріемъ, когда у насъ нѣтъ основаній не соглашаться съ нимъ. Но когда онъ намъ рассказываетъ совершенно невѣроятныя вещи, мы нисколько не затрудняемся оставить его. Безъ сомнѣнія, если бы мы имѣли четыре жизнеописанія Будды, въ извѣстныхъ частяхъ вымышленныя и такія же непримиримыя между собою, какъ четыре евангелія, и если бы ученый сдѣлалъ попытку очистить четыре буддійскихъ версіи отъ ихъ противорѣчій, никто не упрекнулъ бы его въ извращеніи текстовъ. Признали бы правильнымъ, что онъ старался согласовать противорѣчивыя мѣста, что онъ подыскивалъ компромиссъ, своего рода средній разсказъ, не заключающій въ себѣ ничего невѣроятнаго, въ которомъ противорѣчивыя данныя были бы насколько возможно согласованы между собою и исключены. Если бы и послѣ того буддисты стали кричать о лжи, о фаль-

сификаціи исторіи, имъ можно было бы съ полнымъ основаніемъ отвѣтить: „Здѣсь дѣло идетъ не объ исторіи, и если иногда не слѣдуютъ вашимъ текстамъ, то по винѣ этихъ же текстовъ, которые заключаютъ въ себѣ невѣроятныя вещи и сверхъ того противорѣчатъ другъ другу“.

Въ основѣ всѣхъ подобныхъ споровъ лежитъ вопросъ о сверхъестественномъ. Если чудо и откровеніе извѣстныхъ книгъ есть нѣчто реальное, нашъ методъ не годенъ. Если же чудо и откровеніе книгъ—только вѣрованія безъ реальной почвы, нашъ методъ вполне вѣренъ. Впрочемъ, вопросъ о сверхъестественномъ для насъ разрѣшается вполне по одному тому основанію, что не можетъ быть мѣста вѣрѣ въ такія вещи, которыя не находятъ себѣ никакого экспериментальнаго подтвержденія въ мірѣ явленій. Мы не вѣримъ въ чудеса, какъ не вѣримъ въ призраки, въ дѣвола, въ колдовство, въ астрологию. Нужно ли намъ опровергать шагъ за шагомъ длинныя разсужденія астрологовъ для отрицанія того, что звѣзды оказываютъ вліяніе на судьбу людей? Нѣтъ. Для этого достаточно того отрицательнаго, но столь-же убѣдительнаго, какъ лучшее прямое доказательство, опыта, что такое вліяніе никогда не было констатировано.

Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы отрицать заслуги теологовъ передъ наукой! Разыскиваніе и установленіе текстовъ, служившихъ источниками этой исторіи, были дѣломъ теологовъ, по большей части ортодоксальныхъ. Критика же была дѣломъ теологовъ либеральныхъ. Но есть нѣчто совершенно недоступное теологамъ: они никогда не умѣли стать историками. Исторія по существу своему безстрастна. Задача историка исчерпывается искусствомъ и истиной (два неразрывно связанныхъ между собою понятія, такъ какъ искусство хранить тайну самыхъ сокровенныхъ законовъ правды). Теологъ же заинтересованъ только въ одномъ: въ своей догмѣ. Какъ бы вы ни умалили эту догму, все же она останется невыносимымъ бременемъ для художника и критика. Ортодоксальнаго теолога можно сравнить съ птицей въ клѣткѣ. Ей запрещено всякое свободное движеніе. Либеральный же теологъ подобенъ птицѣ, у которой подрѣзаны нѣкоторые перья крыльевъ. Вы ее считаете свободной въ своихъ движеніяхъ и она дѣйствительно свободна до тѣхъ поръ, пока ей не придется взлетѣть. Тогда вы убѣждаетесь, что она далеко не дочь воздуха. Будемъ же имѣть мужество признать, что критическія изслѣдованія о происхожденіи христіанства не скажутъ своего послѣдняго слова до тѣхъ поръ, пока они не будутъ разработаны въ современномъ свѣтскомъ, мірскомъ духѣ, по методу ученыхъ, занимающихся греческой, арабской и санскритской литературой, людей, чуждыхъ всякой теологіи и не намѣревающихся ни устанавливать, ни подрывать догматы, ни защищать, ни испровергать ихъ.

Дни и ночи, я могу это смѣло сказать, я размышлялъ надъ вопросами, которые необходимо разсматривать безъ всякихъ другихъ предубѣждений, кромѣ предубѣждений, установленныхъ самой сущностью разума. Самый трудный изъ этихъ вопросовъ, безспорно, вопросъ объ исторической цѣнности четвертаго евангелія. Тѣ, которые никогда не мѣняли своего мнѣнія по поводу этого вопроса, даютъ поводъ думать, что они не поняли всей его трудности. Всѣ мнѣнія по поводу этого евангелія можно свести къ четыремъ группамъ и формулировать ихъ сущность вкратцѣ такъ:

Первое мнѣніе: „четвертое евангеліе было написано апостоломъ Іоанномъ, сыномъ Зеведеи. Факты, приведенные въ этомъ евангеліи, исполнѣ правдивы; рѣчи, которыя авторъ влагаетъ въ уста Іисусу, дѣйствительно были имъ произнесены“. Это чисто ортодоксальное мнѣніе. Съ точки зрѣнія раціональной критики, оно совершенно несостоятельно.

Второе мнѣніе: „четвертое евангеліе въ общемъ принадлежитъ апостолу Іоанну, хотя, быть можетъ, оно было редактировано и исправлено его учениками. Факты, приведенные въ этомъ евангеліи, являются подлинными преданіями объ Іисусѣ. Рѣчи же часто являются свободнымъ переложениемъ, отражая въ себѣ только пониманіе авторомъ духа Іисуса“. Таково мнѣніе Эвальда и до извѣстной степени Люке, Вейса, Рейса. Этого же мнѣнія придерживался и я въ первомъ изданіи настоящаго труда.

Третье мнѣніе: „четвертое евангеліе не принадлежитъ апостолу Іоанну. Оно ему приписано нѣкоторыми изъ его учениковъ около 100-го года. Рѣчи почти цѣликомъ вымышлены; повѣствовательная же часть содержитъ въ себѣ цѣнные преданія, относящіяся отчасти къ апостолу Іоанну“. Таково мнѣніе Вейцекера, Мишеля Никона. Его придерживаюсь и я въ настоящее время.

Четвертое мнѣніе: „четвертое евангеліе ни въ какомъ отношеніи не связано съ апостоломъ Іоанномъ. Ни по фактамъ, ни по рѣчамъ, приведеннымъ въ этой книгѣ, оно не является историческимъ сочиненіемъ. Трудъ этотъ представляетъ собою плодъ фантазіи, отчасти онъ аллегорическій и появился около 150-го года. Авторъ его задавался цѣлью не рассказать дѣйствительную жизнь Іисуса, а доказать справедливость того представленія, которое онъ составилъ себѣ объ Іисусѣ“. Таково съ нѣкоторыми видоизмѣненіями мнѣніе Бора, Швеглера, Штрауса, Целлера, Фолькмара, Гильгенфельда, Шенкеля, Шольтена, Ревия.

Я не могу вполнѣ присоединиться къ этой радикальной группѣ. Я все же думаю, что четвертое евангеліе имѣетъ непосредственную связь съ Іоанномъ и что оно написано около конца I-го столѣтія. Но я признаю, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ моей первой редакціи я слишкомъ преувеличилъ его до-

стовѣрность. Доказательная сила нѣкоторыхъ аргументовъ; на которыхъ я настаивалъ, кажется мнѣ теперь нѣсколько преувеличенной. Я уже не думаю, чтобы святой Юстинъ ставилъ четвертое евангеліе на одну доску съ синоптиками среди „воспоминаній апостоловъ“. Существованіе *священника Іоанна*, какъ лица, отличнаго отъ апостола, мнѣ кажется въ настоящее время весьма проблематичнымъ. Мнѣніе, по которому Іоаннъ, сынъ Зеведея, написалъ это евангеліе, (гипотеза, которой я никогда не признавалъ вполне, но къ которой я по временамъ склонялся) здѣсь отброшено, какъ невѣроятное. Наконецъ, я признаю, что былъ неправъ, отвергая гипотезу подложнаго евангелія, приписываемаго въ концѣ апостольскаго вѣка одному изъ апостоловъ. Второе посланіе Петра, подлинность котораго никто серьезно не можетъ отстаивать, представляетъ собою примѣръ подобнаго труда, правда менѣе крупнаго, чѣмъ четвертое евангеліе, въ которомъ такъ много условнаго. Впрочемъ, не въ этомъ въ настоящее время дѣло. Существенно рѣшить, какъ слѣдуетъ отнестись къ четвертому евангелію, приступая къ описанію жизни Іисуса. Я продолжаю настаивать на томъ, что это евангеліе имѣетъ не меньшую, а иногда даже и большую цѣнность, чѣмъ синоптики. Часть введенія, относящаяся къ критикѣ четвертаго евангелія, исправлена и дополнена.

Въ текстѣ книги многія мѣста также видоизмѣнены и приведены въ соотвѣтствіе съ только-что сказаннымъ. Равнымъ образомъ подверглись переработкѣ всѣ фразы, изъ которыхъ такъ или иначе вытекала принадлежность четвертаго евангелія апостолу Іоанну или какому-нибудь очевидцу упоминаемыхъ въ евангеліи фактовъ. Чтобы обрисовать личный характеръ Іоанна, сына Зеведеева, я вызывалъ теперь же въ своемъ воображеніи образъ грубаго Боанера Марка, страшнаго духовидца Апокалипсиса, а не преисполненнаго нѣжности мистика, который написалъ евангеліе любви. Я съ меньшимъ довѣріемъ отмѣчаю нѣкоторыя мелкія подробности, съ которыми насъ знакомитъ четвертое евангеліе. Незначительныя извлеченія, сдѣланныя мною раньше изъ содержащихся въ этомъ евангеліи рѣчей, сокращены еще болѣе. Я слишкомъ увлекся мнимымъ апостоломъ въ томъ, что касается обѣщанія Утѣшителя. Я болѣе не увѣренъ также и въ томъ, что четвертое евангеліе право въ своемъ разногласіи съ синоптиками относительно дня смерти Іисуса. Относительно тайной вечера я, напротивъ того, остаюсь при своемъ мнѣніи. Разсказъ синоптиковъ, по которому евхаристія должна быть отнесена къ послѣднему вечеру Іисуса, представляется мнѣ чѣмъ-то неправдоподобнымъ, какимъ-то quasi-чудомъ. Это, по моему мнѣнію, придуманный разсказъ, сложившійся подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ воспоминаній.

Критическая оцѣнка синоптиковъ осталась по существу безъ измѣненій. Она полнѣе и обстоятельнѣе разработана въ нѣкоторыхъ частяхъ, главнымъ образомъ въ томъ, что касается Луки. Относительно Лизанія, написанный мною для «Финикійской Миссіи» этюдъ о надписи Зенодора Бальбека, навелъ меня на мысль о томъ, что евангелистъ вовсе ужъ не былъ настолько неправъ, какъ о немъ думаютъ проникательные критики. Напротивъ того, относительно Квириная послѣдніе мемуары М. Момсена разрѣшили вопросъ несогласно съ третьимъ евангелиемъ. Евангеліе Марка представляется мнѣ все болѣе типомъ синоптического разсказа и текстъ его наиболѣе достовернымъ.

Параграфъ, касающійся Апокрифовъ, развитъ мною. Важные тексты, изданные М. Церлани, были мною использованы. Я долго колебался по поводу книги Эноха. Я отвергаю мнѣнія Вейсса, Фолькмара, Грэпа, которые полагаютъ, что вся эта книга появилась послѣ Иисуса. Что же касается наиболѣе важной части этой книги, а именно начиная съ XXXVII главы до LXXI, то я не рѣшаюсь присоединиться ни къ доводамъ Хильгенфельда и Колани, которые считаютъ, что она появилась послѣ Иисуса, ни къ мнѣнію Гоффмана, Дилльмана, Кестлина, Эвальда, Люкке, Вейцекера, которые считаютъ, что она появилась раньше. Какъ желательно было бы найти греческій текстъ этого капитального сочиненія! Я почему-то упорно думаю, что эта надежда не совсѣмъ несбыточна. Во всякомъ случаѣ, я оставлялъ подъ сомнѣніемъ заключенія, построенныя на основаніи упомянутыхъ главъ. Я указалъ, напротивъ того, своеобразную связь рѣчей Иисуса, приведенныхъ въ послѣднихъ главахъ синоптическихъ евангелій, съ апокалипсисами, приписываемыми Эноху; связь эта обнаружена открытіемъ полного греческаго текста письма, приписываемаго святому Варнавѣ, и ее прекрасно отмѣтилъ Вейцекеръ. Равнымъ образомъ были приняты во вниманіе точные результаты изслѣдованій Фолькмара о четвертой книгѣ Эздры, которые почти всецѣло согласуются съ изслѣдованіями Эвальда. Введено нѣсколько новыхъ цитатъ изъ талмуда. Удѣлено больше мѣста эссенцизму.

Принятое мною рѣшеніе устранять библіографію часто не вѣрно исходковывалось. Думаю, что я достаточно ясно указалъ на то, чѣмъ я обязанъ представителямъ нѣмецкой науки вообще и каждому изъ нихъ въ отдѣльности, чтобы такое замалчиваніе мое не могло быть принято за неблагодарность. Библіографія полезна только тогда, когда она является полною. Нѣмецкая наука въ области евангельской критики отличается такою плодовитостью, что, если бы я сталъ ссылаться на всѣ сочиненія по вопросамъ, затрагиваемымъ въ этой книгѣ, то я долженъ

былъ бы увеличить втрое количество примѣчаній и измѣнить весь характеръ моего труда. Нельзя всего сдѣлать сразу. Поэтому я держался правила приводить цитаты только изъ первыхъ рукъ. Число ихъ значительно увеличено. Сверхъ того, для удобства тѣхъ французскихъ читателей, которые не достаточно знакомы съ этими изслѣдованіями, я составилъ краткій списокъ сочиненій на французскомъ языкѣ, гдѣ можно найти подробности, которыя мнѣ пришлось выпустить. Многіе изъ этихъ трудовъ расходятся съ моими взглядами, но всѣ они наводятъ образованнаго человѣка на размышленія и вводятъ его въ кругъ нашихъ споровъ.

Основная нить изложенія измѣнена мало. Смягчены нѣкоторыя слишкомъ сильныя выраженія о коммунистическомъ духѣ, являющемся сущностью нарождающагося христіанства. Въ кругъ лицъ, имѣющихъ сношеніе съ Иисусомъ, я включилъ нѣсколько такихъ, о которыхъ не упоминается въ евангеліяхъ, но которыя извѣстны намъ по заслуживающимъ довѣрія даннымъ. Измѣнено то, что касается имени Петра; я принялъ также другую гипотезу о Леви, сынѣ Алфея, и объ его отношеніяхъ къ апостолу Маттею. Что касается Лазаря, то въ настоящее время я безъ колебаній присоединяюсь къ остроумному объясненію Штрауса, Бора, Целлера и Шольтена, по которому добрый бѣднякъ изъ притчи Луки и воскресенный въ евангеліи Іоанна являются однимъ и тѣмъ же лицомъ. Читатель увидитъ, какимъ образомъ я тѣмъ не менѣе считаю его въ извѣстной степени дѣйствительнымъ лицомъ, сопоставляя его съ Симономъ Прокаженымъ.

Я принимаю также гипотезу Штрауса о разныхъ рѣчахъ, приписываемыхъ Иисусу въ его послѣдніе дни, и представляющихъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, цитаты изъ сочиненій, распространенныхъ въ I-мъ столѣтіи. Споръ по поводу текстовъ о продолжительности общественной жизни Иисуса приведенъ къ большей опредѣленности. Топографія Виваніи и Далмануты измѣнена. Вопросъ о Голгоѣ пересмотрѣнъ по трудамъ г. де-Вогюэ. Человѣкъ, очень свѣдущій въ ботаникѣ, научилъ меня различать въ садахъ Галилеи деревья, росшія тамъ уже 18 вѣковъ тому назадъ, отъ посаженныхъ позднѣе.

Я помѣстилъ также нѣкоторые сообщенныя мнѣ свѣдѣнія о питѣ распятыхъ на крестѣ. Вообще, въ разсказѣ о послѣднихъ часахъ Иисуса я ослабилъ нѣкоторые обороты, которые могли сообщить разсказу слишкомъ сильный характеръ исторической достовѣрности. Здѣсь лучше всего примѣнимы излюбленные объясненія Штрауса, такъ какъ именно здѣсь на каждомъ шагѣ проглядываютъ догматическія и символическія тендеции.

Я всегда говорил и опять повторяю: если при описаніи жизни Іисуса держаться области вполне достовѣрнаго, придется ограничиться нѣсколькими строками. Онъ существовалъ. Онъ былъ изъ Назарета въ Галилеѣ. Онъ увлекательно проповѣдывалъ и оставилъ въ памяти своихъ учениковъ афоризмы, которые глубоко запечатлѣлись у нихъ. Главными учениками его были Кефасъ и Іоаннъ, сынъ Зеведеевъ. Онъ возбуждалъ къ себѣ ненависть ортодоксальныхъ іудеевъ, которые добились преданія его смерти Понтіемъ Пилатомъ, бывшимъ тогда проконсуломъ въ Іудеѣ. Онъ былъ распятъ на крестѣ за городомъ. Потомъ думали, что онъ воскресъ. Вотъ все, что мы знали бы съ полной достовѣрностью, если бы даже вовсе не существовало евангелій или они были бы ложны,—на основаніи текстовъ, подлинность и время которыхъ неоспоримы; таковыми являются очевидно достовѣрные посланія Св. Павла, посланіе къ евреямъ, Апокалипсисъ и другіе тексты, признаваемые всѣми. Сверхъ этого, во всемъ позволительно сомнѣваться. Изъ кого состояла его семья? Въ частности, въ какихъ отношеніяхъ находился онъ къ Іакову, „брату Господню“, который послѣ его смерти игралъ такую выдающуюся роль? Имѣлъ ли онъ дѣйствительно сношенія съ Іоанномъ Крестителемъ и принадлежали ли наиболѣе извѣстные его ученики къ школѣ Крестителя, прежде чѣмъ сдѣлались его послѣдователями? Каковы были его мессіанскія идеи? Смотрѣлъ ли онъ самъ на себя, какъ на Мессію? Какія апокалиптическія идеи были ему присущи? Вѣрилъ ли онъ въ то, что предстанетъ въ небесахъ сыномъ человѣческимъ? Воображалъ ли онъ самъ, что творилъ чудеса? Приписывали ли ему ихъ при его жизни? При немъ ли явилась легенда о немъ и зналъ ли онъ о ней? Каковъ былъ его нравственный обликъ? Каковы были его представленія о допущеніи язычниковъ въ царство Божіе? Оставался ли онъ чистымъ іудеемъ, подобно Іакову, или же онъ порвалъ съ іудаизмомъ, какъ это сдѣлала значительно позже наиболѣе жизненная часть приверженцевъ его церкви? Каковъ былъ ходъ развитія его мыслей?

Кто ищетъ въ исторіи только несомнѣннаго, тотъ долженъ молчать въ отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Евангелія являются по этимъ вопросамъ ненадежными указателями; въ нихъ часто можно найти подтвержденіе двухъ прогнорѣчивыхъ положеній и образъ Іисуса въ нихъ измѣняется сообразно догматическимъ воззрѣніямъ авторовъ. Что касается меня, то я считаю возможнымъ прибѣгать въ такихъ случаяхъ къ догадкамъ, выдавая ихъ за то, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ являются. Не будучи вполне достовѣрными, тексты не даютъ намъ безспорныхъ данныхъ, но кое-что изъ нихъ можно извлечь. Нельзя слѣпо на нихъ полагаться, но не слѣдуетъ и отказываться отъ ихъ